Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ

© 2020

Анна Викторовна Малышева^{a, @}
Роман Витальевич Ронько^{a, б}

^aИнститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; annamalys@mail.ru

^бНациональный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена выбору падежа прямого объекта при глаголе с отрицанием в современных русских диалектах и в разговорной речи жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Исследование, проведенное на материале восьми диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ, показало, что процесс вытеснения генитива при отрицании аккузативом на разных территориях протекает неодинаково. Рассмотренные корпуса четко разделяются на два типа: генитивные (с преобладанием генитива при отрицании) и аккузативные (с преобладанием аккузатива). Генитивными оказываются севернорусские диалектные корпуса, которые по этому параметру противопоставляются средне- и южнорусским и устному корпусу НКРЯ. Рассмотрены разные факторы, влияющие на выбор падежа прямого объекта: усиление отрицания (слова и сочетания *никакой, ни, ни один, ни... ни* и др.), семантический класс глагола, дистантное отрицание, высокий референциальный статус именной группы. Показано, что на севере генитив сохраняется более устойчиво даже при наличии факторов, обуславливающих предпочтение аккузатива. Таким образом, широкое употребление генитива при отрицании может рассматриваться на современном этапе как маркер северной диалектной речи.

Ключевые слова: аккузатив, генитив, диалектология, дифференцированное маркирование аргументов, объект, отрицание, падеж, прямое дополнение, разговорная речь, русский язык, севернорусские диалекты

Благодарности: Авторы сердечно благодарят анонимных рецензентов «Вопросов языкознания» и А. В. Тер-Аванесову за критические замечания и ценные советы. Все ошибки, неточности и неправильные интерпретации остаются на совести авторов.

Для цитирования: Малышева А. В., Ронько Р. В. Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ. *Вопросы языкознания*, 2020, 4: 25–54.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.25-54

Russian object genitive of negation in modern dialect corpora and oral subcorpus of RNC

Anna V. Malysheva^{a, @}
Roman V. Ronko^{a, б}

^aVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; annamalys@mail.ru

^бNational Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the phenomenon of replacement of the accusative case in direct object position by the genitive case in the context of predicates under negation in modern Russian dialects and

in the colloquial speech of residents of Moscow and St. Petersburg. The research considers the data of eight dialect corpora and the spoken subcorpus of the Russian National Corpus. It showed that the process of displacement of the genitive under negation by the accusative in different areals occurs in different ways. We got two types of corpora: the “genitive” type (with the predominance of the genitive under negation) and the “accusative” type (with the predominance of the accusative). Northern Russian dialect corpora are “genitive”, the Central and Southern Russian dialect corpora and the standard language are “accusative”. We consider different features which can define the choice of the case of direct object: semantic class of verb, factors generally demanding the genitive (the premodifier *nikakoj* ‘none’, the intensifier *ni*, coordinating construction *ni... ni* ‘neither... nor’ etc.), and factors generally demanding the accusative (long-distance negation, animacy and definiteness of the noun phrase). The research showed that in the North Russian dialects, the genitive remains more stable even with the effect of features that determine the preference for the accusative. Thus, a broader usage of the genitive under negation can be considered as a marker of Northern dialect speech.

Keywords: accusative, case, colloquial speech, dialectology, differential argument marking, direct object, genitive, negation, North Russian, object, Russian

For citation: Malysheva A. V., Ronko R. V. Russian object genitive of negation in modern dialect corpora and oral subcorpus of RNC. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 4: 25–54.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.25-54

1. Вводные замечания

Употребление родительного падежа прямого объекта вместо винительного при глаголе с отрицанием — общая черта славянских, балтийских и прибалтийско-финских языков [Потебня 1874/1958: 256; Miklosich 1926: 501; Шахматов 1925: 319; Kortjevskaja-Tamm, Wälchli 2001; Seržant 2015; Аркадьев 2017]. Обзор литературы о дискуссионном вопросе происхождения РП при отрицании от аблатива или генитива см. в [Мустайоки 1985: 9–10; Pirnat 2015].

Замена ВП прямого объекта на РП в особых грамматических условиях, выражающихся в наличии отрицания при глаголе, признается древнейшей общеславянской особенностью [Борковский 1978: 347]. Исследователи исторического синтаксиса русского языка отмечают, что на протяжении XI–XVII вв. объект при отрицании устойчиво выражался генитивом. Достаточно сказать, что В. И. Борковский, рассмотрев 219 грамот XI–XVII вв. (киевских, новгородских, двинских, псковских, московских, ярославских, смоленских, рязанских, полоцких и др.), не обнаружил ни одного случая употребления ВП при глаголе с отрицанием [Борковский 1949: 359], отсутствует винительный при отрицании и в берестяных грамотах [Зализняк 2004: 159]. С XVIII в. обязательность употребления РП при отрицании закрепляется нормативными грамматиками русского языка [Ломоносов 1755/1952; Греч 1828; Востоков 1831] и др.

Однако уже в древнерусском языке самого раннего периода правило замены ВП на РП при глаголе с отрицанием не было безусловным. Контексты с аккузативом встречаются в старейших памятниках древнерусского языка, например в Русской правде: *аще кто мтрѣ не послушаеть* (цит. по: [Спринчак 1960: 141]), см. также [Буслаев 1959: 462]. Возможность употребления ВП при отрицании отмечается также для старославянского языка [Вайан 1952: 211–212; Ходова 1963: 55–56]).

Более свободно аккузатив при глаголе с отрицанием начал употребляться в русском языке предположительно с XVII в. [Борковский 1978: 348]; примеры аккузатива в памятниках письменности XV в. см. в: [Харпалева 1985: 102].

Но только с начала XX в. авторы грамматических описаний признают аккузатив при глаголе с отрицанием также возможным, а в некоторых конструкциях даже предпочтительным

[Томсон 1902; Пешковский 1935; АГ 1954], подробнее см. [Мустайоки 1985: 17–22]. Отражению вариативности падежа прямого объекта при отрицании в грамматических описаниях посвящены отдельные исследования, например [van Helden 2008].

В настоящее время в русском языке продолжается экспансия аккузатива при отрицании [Krasovitsky et al. 2011]. Некоторые лингвисты полагают, что со временем РП в этой позиции совершенно исчезнет [Лутин 2008: 32]. Е. В. Падучева [2013: 148–149] использует понятие «новой аккузативной нормы». Вытеснение приглагольного генитива в отрицательных конструкциях связано с общей универсальной тенденцией употреблять при переходном глаголе объект в форме ВП [Мустайоки 1985: 13]. По емкому выражению Д. В. Уткина [1963: 77], «появление винительного на месте родительного есть победа переходности глагола над отрицанием». Это та же самая тенденция, которая повлияла на изменение управления некоторых глаголов, которые на более ранних этапах истории русского языка имели объектный актант в форме генитива [Борковский 1978: 345–356; Маркова 1989; Крысько 2006; Малышева 2010]. Например, вариативность РП и ВП при глаголах чувственного восприятия *смотреть*, *слушать*, а также некоторых других окончательно утратилась только в кон. XVIII — нач. XIX в. [Крысько 2006: 249–254; Малышева 2015]. В современном русском языке все более активно начинает употребляться аккузатив и при модально-эмоциональных глаголах *хотеть*, *ждать*, *искать*, *бояться* и т. д. [Никитина 2013].

Возможно, именно благодаря тому, что объект при отрицании на современном этапе — подвижный элемент синтаксической системы, он привлекает столь пристальное внимание исследователей. На эту тему существует обширная литература, выявлено множество факторов, которые, взаимодействуя между собой, регулируют выбор падежа прямого объекта в этой позиции. В работе [Рахилина 2008] отмечено, что при исследовании генитива и аккузатива при отрицании применяются разные подходы. В частности, контекстуальный подход предполагает выявление и анализ всех факторов, релевантных для выбора падежа, как в классической работе [Mustajoki, Heino 1991], а семантико-прагматический направлен на поиск общих стратегий, обуславливающих форму объекта [Падучева 1997; 2006; 2013; Рахилина 2008; Partee, Borschev 2004 и др.]. В рамках прагматического подхода выделяется «бытийно-перцептивная» гипотеза, согласно которой РП маркирует несуществование объекта или его отсутствие в поле зрения наблюдателя [Падучева 1992; 1997]. Значимым представляется также параметр **относительной важности объекта и ситуации**: генитивное управление выбирается в том случае, если в фокусе внимания находится не объект, а ситуация в целом (*не убивал жены*), а в случае аккузативного управления фокус внимания перемещается на объект (*не убивал жену*) [Летучий 2008: 78–96]. Очевидно, что поставить точку в изучении этого явления нельзя, поскольку оно представляет собой живой процесс и ситуация с течением времени меняется. Тем не менее, можно говорить, что на материале русского литературного языка проблема падежного маркирования в объектной отрицательной конструкции хорошо изучена и выработано достаточное количество приемов и стратегий ее описания.

При анализе вариативности формы объекта при глаголе с отрицанием на уровне синхронии необходимо учитывать также функционально-стилистические, социолингвистические и лингвогеографические параметры. Многие исследователи указывают на то, что ВП при отрицании более свободно употребляется в живой разговорной речи, чем в языке художественной литературы или официально-деловых текстов, см., например, [Томсон 1902; Мустайоки 1985: 11; van Helden 2008].

Кроме того, русский язык распространен на огромной территории и имеет большое количество территориальных разновидностей — диалектов; в последние годы все чаще привлекают внимание исследователей и более крупные языковые объединения — региолекты. Экспансия аккузатива при отрицании — общий процесс для стандартизированного русского языка и говоров [Собинникова 1955; 1961; Скребнева 1970; Потапова, Русинова 1991]. Во многих работах присутствует тезис о более последовательном по сравнению

с литературным языком употреблении ВП в диалектной речи [Собинникова 1955: 125–127; Станишева 1966: 223]. Однако корпусное исследование современных русских говоров показывает, что это утверждение верно лишь частично и скорость процесса утраты генитива при отрицании, его интенсивность оказывается неодинаковой на разных территориях.

В настоящей статье предпринимается попытка описать территориальные различия в бытовании русской объектной отрицательной конструкции на современном этапе. В разделах 2, 3 описывается использованный материал устного корпуса [НКРЯ] и восьми современных диалектных корпусов, показывается статистика распределения по корпусам форм РП и ВП при глаголах с отрицанием и делается вывод о разделении рассматриваемых собраний текстов на «генитивные» с преобладанием генитива при отрицании и «аккузативные» с преобладанием аккузатива. В разделе 4 рассматриваются причины достаточно большого расхождения количественных показателей внутри установленных типов диалектных корпусов. В разделе 5 проанализированы некоторые факторы, влияющие на выбор формы объекта при глаголе с отрицанием, на материале диалектных корпусов и, частично, устного корпуса НКРЯ. Раздел 6 иллюстрирует различие между аккузативными и генитивными корпусами на уровне отдельных лексем и словосочетаний (*не пил вина / не пил вино*). В заключении приводится ряд замечаний о типологии рассматриваемого явления и формулируются основные выводы исследования.

2. Данные по устному корпусу НКРЯ

Для того чтобы иметь возможность сопоставить материалы диалектных корпусов с данными разговорного регистра литературного языка, на базе устного корпуса НКРЯ был создан пользовательский подкорпус «Устная непубличная речь» объемом 1572166 словоупотреблений. В него входят непринужденные беседы на разные темы, телефонные разговоры, разговоры в транспорте, магазине, заказ такси и т. д. (далее НКРЯ-уст.). Поиск велся по лексеме *не*, потом вручную отбирались контексты, записанные в Москве или Санкт-Петербурге, включающие глагол с отрицанием и прямой объект в форме ВП или РП. Ограничение на регион записи было обусловлено стремлением по возможности исключить влияние регионального компонента, хотя в полной мере это осуществить невозможно, поскольку в НКРЯ не указывается место рождения информанта. Мы исходим из того, что в анализируемом подкорпусе НКРЯ-уст. представлена разговорная речь носителей литературного языка, живущих в Москве и Санкт-Петербурге.

Всего было получено 622 контекста с формой прямого объекта при глаголе с отрицанием. При этом в 32 % случаев (201 пример) употребляется форма генитива, соответственно, доля аккузативных форм составляет 68 % (421 пример). Большая часть примеров записана в 2000–2015 гг., этот период характеризуется сокращением употребления генитивных форм (31 %) по сравнению с периодом 1970–1999 гг. (42 %) ¹, см. табл. 1.

В работе [Krasovitsky et al. 2011] содержатся результаты обследования **подкорпуса текстов художественной литературы**, созданных в период 1951–2000 гг., объемом 997352 словоформ. В рассмотренном авторами материале наблюдается незначительное преобладание формы генитива (51 %). Эти данные свидетельствуют о неуклонном увеличении доли форм ВП в художественной речи (ср. результаты исследований употребления формы объекта при глаголе с отрицанием некоторыми писателями XIX в., приведенные в [Мустайоки 1985: 15]: процент аккузатива колеблется от 4 % (у Белинского) до 27 % (у Л. Толстого)).

Сравнение данных устного корпуса НКРЯ и корпуса текстов художественной литературы, проанализированного в [Krasovitsky et al. 2011], показывает значительное

¹ Различия статистически значимы (p-value < 0,05 по критерию χ^2).

Таблица 1

РП и ВП при глаголе с отрицанием в НКРЯ-уст.

	РП	ВП	Всего
Общие данные	201 (32 %)	421 (68 %)	622
По годам			
2000–2015 гг.	163 (31 %)	368 (69 %)	531
1970–1999 гг.	38 (42 %)	53 (58 %)	91
По региону записи			
СПб	38 (34 %)	73 (66 %)	111
Москва	163 (32 %)	348 (68 %)	511

преобладание аккузатива при глаголе с отрицанием в устной речи (см. табл. 2). Далее мы сравним данные устного корпуса НКРЯ с данными диалектных корпусов.

Таблица 2

РП и ВП при глаголе с отрицанием в НКРЯ-уст. и в корпусе текстов художественной литературы 1951–2000 гг.

Источник	РП	ВП
НКРЯ-устный	32 %	68 %
Krasovitsky et al. 2011	51 %	49 %

3. Диалектные корпуса: материал и статистика употребления форм прямого объекта при глаголе с отрицанием

Диалектный материал извлечен из нескольких разных по объему и структуре диалектных корпусов, в которых представлены образцы русских говоров в их современном состоянии (см. Список сокращений):

- 1) корпус бассейна реки Устья [Даниэль и др. 2013–2018]: Устьянский р-н Архангельской обл., объем 864057 словоупотреблений на момент исследования (далее Уст.);
- 2) корпус говора с. Роговатка (электронный) [Тер-Аванесова и др. 2018] объемом 100047 словоформ и корпус расшифрованных текстов говора с. Роговатка объемом около 80000 словоупотреблений (не опубликован): Старооскольский р-н Белгородской обл. (далее Рог.);
- 3) корпус говора с. Малинино [Тер-Аванесова и др. 2019]: Хлевенский р-н Липецкой обл., объем 139039 словоформ (далее Мал.);
- 4) корпус с. Спиридонова Буда [Гардер и др. 2018]: Злынковский р-н Брянской обл., объем 70564 словоформы (далее СБ);
- 5) корпус опочечских говоров [Ронько и др. 2019]: Опочечский р-н Псковской обл., объем 49654 словоформы (далее Опоч.);
- 6) база данных по русским говорам 2012 г. [Крылов, Тер-Аванесова 2012]: с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. (на границе с Владимирской обл.), объем 99630 словоформ (далее Пуст.);

- 7) диалектный корпус НКРЯ, в котором было выделено два подкорпуса:
- 7.1) северный подкорпус с материалами из Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской областей и Республики Карелия, объем 128 187 словоформ (далее НКРЯ-север);
 - 7.2) южный подкорпус с материалами из Тамбовской, Курской, Калужской, Рязанской, Смоленской областей, объем 88 130 словоформ (далее НКРЯ-юг);
- 8) корпус расшифрованных текстов, записанных экспедицией ИРЯ РАН в 2015 г. в трех районах Ивановской области — Юрьеvecком, Лухском и Вичугском, объем около 44 000 словоупотреблений (далее Иван.).

Во всех корпусах применялся простой поиск по лексеме *не* или *не+глагол*, далее вручную отбирались все контексты, содержащие переходный глагол с отрицанием и объектный актант в форме РП или ВП.

В Уст. и НКРЯ-север содержится материал севернорусских говоров, в Пуст., Опоч. и Иван. — среднерусских. Рог. и Мал. корпуса, а также НКРЯ-юг отражают материал южнорусских говоров².

Отдельно нужно рассматривать говор с. Спиридонова Буда, который находится в зоне украинско-белорусского пограничья (о специфике говоров этой зоны см. [Расторгуев 1927]). В частности, в этих говорах более широко употребляется объектный генитив и не в позиции отрицания: *беру серп/серпа* [Там же: 123–126], см. также [АУМ, 1, карта 278; ДАБМ, карта 211, ДАБМ-к: 756–757]. Следует отметить, что говоры Брянской области на границе с Украиной и Белоруссией в районе Стародуба и Новозыbkова не включены в классификацию русских говоров [ДАРЯ, I: VI], поскольку отнесены к белорусским.

Сопоставление количественного соотношения форм объекта при глаголе с отрицанием показало, что по этому параметру рассмотренные корпуса разделяются на генитивные (с преобладанием РП) и аккузативные (с преобладанием ВП). При этом генитивными оказываются севернорусские корпуса: НКРЯ-север (показатель аккузатива 25 %) и Уст. (42 %)³, а также корпус СБ, а аккузативными — южнорусские корпуса Мал. и Рог. (74–80 % аккузатива) и НКРЯ-юг (60 %)⁴, а также среднерусские Пуст. (73 % аккузатива), Опоч. (66 %) и Иван. (55 %), см. табл. 3. Устный корпус НКРЯ также относится к аккузативной группе (68 % аккузатива), см. табл. 1.

Таблица 3

РП и ВП при глаголе с отрицанием в диалектных корпусах

Источник	РП	ВП	Всего
НКРЯ-север	87 (75 %)	29 (25 %)	116
СБ	135 (73 %)	51 (27 %)	186
Уст.	374 (58 %)	267 (42 %)	641
Иван.	28 (45 %)	34 (55 %)	62
НКРЯ-юг	59 (40 %)	87 (60 %)	146
Опоч.	30 (34 %)	57 (66 %)	87
Пуст.	47 (27 %)	144 (73 %)	191
Рог.	67 (26 %)	194 (74 %)	261
Мал.	25 (20 %)	103 (80 %)	128

² Все единицы диалектного членения даются в соответствии с классификацией, содержащейся в работе [Захарова и др. 1970].

³ О причинах достаточно больших расхождений количественных показателей севернорусских корпусов см. п. 4.1.

⁴ О причинах относительно низкого показателя ВП в южнорусском корпусе НКРЯ-юг см. п. 4.2.

В корпусах генитивного типа — Уст. и НКРЯ-север — доля генитивных форм значительно выше, чем в НКРЯ-уст. (достоверность различий подтверждена критерием χ^2 , p -value < 0,01). Многие контексты с генитивом при отрицании из современных северных говоров воспринимаются носителями литературного языка как книжные и архаичские (7–18).

Среди корпусов аккумулятивного типа (южнорусских и среднерусских) наименьшее количество генитивных форм фиксируется в трех: двух южнорусских (Рог., Мал.) и среднерусском (Пуст.). Четкое отличие именно этих баз данных от других по признаку наибольшей «аккумулятивности» имеет лингвогеографическое обоснование. Говор с. Малинино относится к Восточной (Рязанской) группе южнорусского наречия. С. Роговатка (или Роговатое) находится на границе оскольских говоров и говоров Восточной группы. Говор Роговатки, являясь межзональным оскольским, имеет много юго-восточных фонетических и грамматических черт (общих с говорами Рязанской группы). Говор с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. относится к владимирско-поволжским окающим говорам, но, располагаясь на границе с восточными среднерусскими акающими говорами, как и многие другие южные владимирско-поволжские, также демонстрирует целый ряд грамматических и акцентуационных черт, общих с рязанскими говорами. Выраженное преобладание аккумулятива при глаголах с отрицанием может рассматриваться как еще одна черта, объединяющая говоры типа пустошинского с юговосточнорусскими. С другой стороны, вполне ожидаемым является наиболее низкий процент аккумулятива в Пуст. корпусе среди корпусов «юго-восточной» группы. О близости к этой группе говоров из корпуса НКРЯ-юг см. п. 4.2.

Наименьший процент аккумулятивных форм среди корпусов аккумулятивного типа содержится в Иван. корпусе. Ивановские говоры (как и говор с. Пустоша) относятся к восточным среднерусским окающим, но они расположены на крайнем северо-востоке Владимирско-Поволжской группы и имеют ряд общих черт с костромскими говорами северного наречия [Захарова и др. 1970: 345–391]. Система употребления форм прямого объекта при глаголах с отрицанием в ивановских говорах, отраженная в рассмотренных материалах (55 % аккумулятива), предстает достаточно близкой к системам севернорусского типа.

Опочечские говоры относятся к Псковской группе западных среднерусских акающих говоров. Процентное распределение аккумулятива и генитива в корпусе Опоч. оказывается близким к НКРЯ-уст. (66 % аккумулятива в Опоч. и 68 % — в НКРЯ-уст.). Процент аккумулятива здесь несколько ниже, чем в юговосточнорусских системах (наименее значительный контраст с Пустошами), и несколько выше, чем в восточных среднерусских ивановских говорах.

4. Влияние специфики корпуса на количественное соотношение форм объекта при глаголе с отрицанием

4.1. Северный подкорпус НКРЯ и Устьянский корпус

Уст. корпус на материале архангельского говора и НКРЯ-север являются генитивными, т. е. РП при отрицании здесь преобладает. Однако возникает вопрос о причинах достаточно большого расхождения количественных показателей в Уст. (42 % аккумулятива) и НКРЯ-север (25 %), также включающем в основном материалы архангельских говоров. Это может быть обусловлено несколькими причинами.

Относительно высокая доля аккумулятива в Уст. может объясняться тем, что сюда включены образцы речи информантов разного возраста: около 58 % информантов родились в период с 1915 по 1949 г., 37 % — информанты 1950–1960-х годов рождения, около 5 % информантов — люди, родившиеся в период с 1970 по 1996 г. Таким образом, достаточно

большой процент записей производился от относительно молодых носителей говора, язык которых может быть более подвержен влиянию новой «аккузативной» нормы, проникающей из литературного языка. Нужно отметить, что большинство других корпусов (СБ, Рог., Мал., Пуст, Иван.) отражают архаический слой говора, т. к. записи производились преимущественно от людей 1910–1930-х, реже 1940-х гг. рождения.

Можно назвать еще два фактора, которые могут увеличивать долю генитива в НКРЯ-север по сравнению с Уст. Это время записи (здесь есть более ранние материалы, записанные в 1970-х гг.), а также в большей степени специфика самих записей. В НКРЯ входит значительное количество фольклорных текстов (детские стишки, песни, поговорки), в которых форма прямого объекта при глаголе с отрицанием закреплена в составе устойчивого единства, фольклорной формулы:

- (1) *Пи-ко дружок, ты не бегай на лужок. Побежишь на лужок, потеряёшь сапожок. Красны девушки найдут, сапожка не отдают* [Детские стишки (Архангельская область, 1994)];
- (2) *Три́ дня лёжа́л, Ни́чегó ни скоза́л, Голова́́ ни подня́л* [Колыбельные. Зыбка (Лёкшма, Каргопольский район, Архангельская область, 1994)];
- (3) *Ну, птица гнезда не вьёт, а красна девушка косы не плетёт* [Природа. Птицы (Архангельская область, 1999)];
- (4) *Перво, грят, счастье потеряешь, второго не ищи* [О жизни (Архангельская область, 1994)];
- (5) *Спасибо, соседи порядовные, сделали вы домичёк, — ну там родителю ли, матери, отцу ли, — спасибо вам, соседи порядовные, сделали вот мне не мишоной да и не вершоной, а за одно-то не спасибо вам, что не сделали... на свет-от Божий не прорубили окошечка глядять на меня-то, сиротиночку* [Свадьба и труд (Архангельская область, 1998)].

Однако наряду с этим в НКРЯ-север содержится много неформульных контекстов, в которых употребляется генитив, например:

- (6) *Потом взяла, села, перебула, плат перевернула, всё перевернула — не говорю «Воскреснет бох», не говорю воскресной молитвы* [Быт-1 (Архангельская область, 1994)];
- (7) *Доброго в жизни не забудешь соня. Сбудется — да не забудется. Так судьба распорядилась, по судьбе* [Гадания (Архангельская область, 1994)];
- (8) *А вот не оставляют ножа на столе* [Обычай. Дом и посуда (Архангельская область, 1999)];
- (9) *Ну дак это богато живут, дак это не оденут той одежды* [Обычай. Кухня (Архангельская область, 1996)];
- (10) *Тряпки так вот на полу не повертывать, а так вот вдоль тряпку вести и всё* [Обычай. Похороны. Часть 1 (Архангельская область, 1996)];
- (11) *Идёт мужчина, говорит, голосу узнать не можем, ну, вот как тут полём, дорогой* [Обычай. Староверы (Архангельская область, 1996)];
- (12) *...вообще лесозавода не любили, места хватало и дома* [Олени (Карелия, 1975)];
- (13) *Штобы от росы-то туфель не замарать — мы розуём да дёржим* [Праздники (Архангельская область, 1994)];
- (14) *И виничёк тоже положишь на хлев — этого виника не выкидывали* [Праздники. Катания и поход в гости (Архангельская область, 1998)];

- (15) *Я-то ведь уж сарафанов не носила, до меня ещё носили сарафаны-то* [Праздники. Хриostosлавцы (Архангельская область, 1997)];
- (16) [А Казанская оттепель бывает?] *Ну, я век не знаю Казанской* [Религия. Обычаи (Архангельская область, 2000)];
- (17) *...говóрит, головý не вóдел, тóлько однé вóлосы вóдел, лицý не вóдел- ка... такíми вóлосы ли чегó ли, лицý не покáзывала. Хвóс рыбной* [Русалка (Лёкшма, Каргопольский район, Архангельская область, 1994)];
- (18) *«Девки, не оставляйте бороды», — а вот на поле ты жнёшь-то, вот и скажут* [Поверья, связанные со смертью и со скотом (Архангельская область, 1997)].

Таким образом, на различие в количественном соотношении форм аккузатива и генитива при отрицании в двух северных корпусах могут влиять возраст информантов, время записи, наличие фольклорных контекстов.

Кроме того, архангельские говоры неоднородны с точки зрения лингвогеографии и образуют несколько ареалов, противопоставленных друг другу по ряду фонетических, грамматических и лексических признаков [Гецова 1997; Нефедова 2016].

4.2. НКРЯ-юг и СБ: корпуса, содержащие ответы на вопросы этнографических программ. Сочетания глаголов знания и восприятия с анафорическим местоимением

В НКРЯ-юг генитивных форм значительно больше, чем в других южнорусских корпусах, что также объясняется спецификой содержащихся в нем материалов. НКРЯ-юг на момент написания статьи включал преимущественно данные из Тамбовской обл. — 114 контекстов (ср. из Курской обл. — 24 примера, Калужской — 3, Рязанской — 3, Смоленской — 2). Основной массив примеров НКРЯ-юг — это тамбовские материалы, которые представляют собой ответы на вопросы этнографической программы. Поэтому во многих контекстах содержатся сочетания глаголов знания и восприятия *знать, помнить, видеть, слышать* и др. с анафорическим местоимением: *этого не помню, этого не знаю, этого не видел, не слышала этого* и др.

- (19) [А ничего не приговаривали?] *Да вот чтой-то этого не помню* [На Троицу вили, а на Семик развивали (село Кужное, Мордовский район, Тамбовская область, 2002)];
- (20) [А никак этих мух не хоронили?] *Нет, этого я не знаю* [Сёмин день — мух из дома выгоняют (с. Хоботово, Первомайский район, Тамбовская область, 2002)];
- (21) *Эт не знаю, этого не знаю* [Ты яйцо становишь, я становлю и потом катают (Верхнее-Чуево, Уваровский район, Тамбовская область, 2003)];
- (22) *А вот я этого не видел, как им* [Военные будни (Высокое, Глушковский район, Курская область, 2000)];
- (23) [...то Илья сено пожжёт?] *Ничего не знаю. Я вот не слышала этого* [Никогда вроде не работали (с. Сычевка, Никифоровский район, Тамбовская область, 2002)].

Корпус СБ также составлен на основании вопросов этнографической программы и также содержит большое количество конструкций с глаголами чувственного восприятия, памяти и знания и анафорическими местоимениями, например:

- (24) *Не знаю, не чула такого.* СБ;
- (25) *Такого не знаю, казать не буду, брехать не буду.* СБ;
- (26) *...ни в церковь она никогда не ходила, ну, может, что и, отку... но такого мы за ней не замечали.* СБ;
- (27) *Да я ж не знаю. Чи я знаю, мы малые ж были ещё тогда, так мы не понимаем. Не понимали этого.* СБ.

В обоих корпусах, рассматриваемых в этом разделе, доля конструкции типа *я этого/это не помню* составляет примерно половину всего материала (56 % в СБ и 48 % в НКРЯ-юг). Для сравнения: в НКРЯ-север доля подобных контекстов составляет всего 18 %, см. табл. 4.

Местоимения, как отмечают многие исследователи, в целом имеют больший генитивный потенциал, чем имена сущ. Так, в корпусе письменных текстов 1950–1970-х гг. XX в. (драматургия, беллетристика, научная литература и журнальные публикации) контексты с местоимением *это* в форме РП составляют 90 %, с местоимением *то* — 83 % [Mustajoki, Heino 1991: 166–169].

Глаголы чувственного восприятия и знания, такие как *видеть, знать, помнить*, по классификации Е. В. Падучевой [2013: 150–153] относятся к «генитивным», т. е. предпочитают в отрицательной конструкции объект в форме РП.

Таким образом, сочетание глагола восприятия и знания с анафорическим местоимением создает условия для предпочтения генитивной формы объекта, и можно предположить, что именно этим объясняется сравнительно высокая доля РП в рассмотренных корпусах.

С другой стороны, «аккузативность» или «генитивность» корпуса в целом оказывается релевантной и для этих сочетаний. Об этом говорит тот факт, что в аккузативном корпусе НКРЯ-юг в рассматриваемых сочетаниях, несмотря на их высокий генитивный потенциал, все-таки преобладает ВП — 68 %, ср. в корпусе СБ — 15 %. В частности, в НКРЯ-юг зафиксированы сочетания *это не знаю, это не слыхала, это не слышала, это не помню, это не видела, то не знаю* (28–32). Встречаются контексты и с другими анафорическими местоимениями (33).

- (28) [А что на Благовещенье нельзя жечь свечки дома?] *Это я не слышала. У нас здесь тах-то говорят* [Если на Благовещенье солнышко, то пожары будут (с. Чернышевка, Первомайский район, Тамбовская область, 2002)];
- (29) *Нет, это я не знала, и вот первый раз слышу* [На Рождество ряженые ходили, пели молитвы (с. Хоботово, Первомайский район, Тамбовская область, 2002)];
- (30) [А в коробке их закапывали или просто выбрасывали?] *Вот это я уже не помню. В землю закапывали* [Насекомых собирали в коробочку — вот это называли Семин день (с. Старосеславино, Первомайский район, Тамбовская область, 2002)];
- (31) *Это я не видела и не слыхала, и мои никто такие слова нам не приказывал* [Это болтология (с. Знаменка, Никифоровский район, Тамбовская область, 2002)];
- (32) *...этого не знаю, что не знаю, то не знаю* [Чистый четверг, он всё смывает (Верхнее-Чуево, Уваровский район, Тамбовская область, 2003)];
- (33) [...весь год будет несчастливим?] *Так не, такое не слыхала* [Радница — тада будет всем усопшим поминовение (Вольная Вершина, Уваровский район, Тамбовская область, 2004)].

Таким образом, наличие большого количества контекстов типа *я этого/это не помню* не является условием абсолютного преобладания генитива, однако этот фактор обуславливает общую высокую долю генитива в корпусе НКРЯ-юг (40 %) по сравнению с другими корпусами юго-восточнорусского типа, см. раздел 3 (Пуст. — 27 %, Рог. — 26 %, Мал. — 20 %).

Если исключить из статистики НКРЯ-юг примеры с анафорическими местоимениями в форме РП, то распределение будет выглядеть так: РП — 24 %, ВП — 76 %, что сопоставимо с распределением форм объекта в Мал., Рог. и Пуст. Такое распределение ожидаемо и с точки зрения лингвогеографии, поскольку тамбовские говоры, составляющие основу материалов НКРЯ-юг, также находятся на территории восточной (рязанской) группы говоров южнорусского наречия [ДАРЯ, I, карта VI].

Таблица 4

РП и ВП в конструкции «глагол восприятия, знания + анафорическое местоимение» в НКРЯ-юг, СБ, НКРЯ-север

Источник	РП	ВП	Всего
НКРЯ-юг	23 (32 %)	48 (68 %)	71 (48 % всего материала)
СБ	88 (85 %)	16 (15 %)	104 (56 % всего материала)
НКРЯ-север	13 (62 %)	8 (38 %)	21 (18 % всего материала)

5. Факторы, влияющие на выбор падежа объекта при глаголе с отрицанием

Среди факторов, которые могут оказывать влияние на выбор падежа объекта при глаголе с отрицанием, выделяются т. н. «сильные» аккузативные и генитивные факторы, наличие которых создает ситуацию, когда предпочтительна или даже обязательна одна из двух альтернативных падежных форм. РП обычно употребляется при глаголе *иметь* с отрицанием [Падучева 2013: 157], при наличии слов и сочетаний, усиливающих отрицание (см. 5.1), в устойчивых сочетаниях типа *не говоря худого слова*. ВП предпочитается в конструкциях с инфинитивом, который зависит от глагола с отрицанием (т. н. дистантные конструкции, противопоставленные локальным, когда прямой объект зависит непосредственно от глагола с отрицанием). Кроме того, общеизвестно, что аккузативом выражается чаще референтный, определенный объект, а генитивом — нереперентный и неопределенный.

Далее будет рассмотрено влияние на выбор объекта некоторых из этих факторов, а именно:

- наличие слов и сочетаний, усиливающих отрицание;
- дистантная конструкция;
- референтность/нереперентность объекта.

5.1. Конструкции с усилением отрицания в диалектных корпусах и устном корпусе НКРЯ

Фактором, обуславливающим обязательное или предпочтительное употребление генитива, является наличие языковых средств, усиливающих отрицание: слова и сочетания *никакой, ничей, ни один, ни единый*, частица *ни*, союз *ни...ни* и др. [РГ-1980, 2: 416; Mustajoki, Heino 1991: 26–27, 46–47], см. обзор литературы и разных точек зрения на влияние данных факторов в [Мустайоки 1985: 49–53].

Ниже приводятся данные о распределении ВП и РП в контекстах с усилением отрицания в севернорусском Уст., среднерусском Пуст. и южнорусском Рог. корпусах. Данные сравниваются с материалами НКРЯ-уст.

5.1.1. Конструкции с сочетанием *ни один*

В НКРЯ-уст. при значительном преобладании генитива (34) зафиксированы единичные примеры аккузатива (35, 36). В трех рассмотренных диалектных корпусах в этой конструкции также употребляется преимущественно генитив (37–44). Единственный пример с ВП (?) встретился в неполном контексте из корпуса Рог. (45).

- (34) *Нормально / не знаю ни одной песни* [Разговор о концертах // Из коллекции НКРЯ, 2007];
- (35) *А почему ты не выложила ни одну фотку с ним?* [Разговор сестер по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015];
- (36) *Но я не видел ни одну книгу / которая у него кончается хорошо* [Разговор о литературе // Из материалов корпуса «Один речевой день», подготовленного группой А. С. Асиновского, 2007].
- (37) *Вот уж, девочки, ни одного приговора не знаю.* Уст.⁵;
- (38) *Годы он знает хорошо, помнит, а я уж ни одного года не знаю.* Уст.;
- (39) *Вот, и на самой на середке деревни играли, ни одного окошка не разбили ни у кого.* Уст.;
- (40) *Или умрэ, а жьна ня выкъттила ни аднэй слязінки на нём.* Рог.;
- (41) *Нё, нё, ни аднэй бұквы ни зная.* Рог.;
- (42) *Дь я нигдэ срóду грóшы ни одной ни брала.* Пуст.;
- (43) *И я ходила посли этъвъ смотрётъ здание, то ни одной кирпичины ни найдём, фсё рьскидала пь фсему заводу.* Пуст.;
- (44) *Ни ъдновó слова ни вырньила, вóт óн ходил фсё врёме, пьчёму мы с тобой ни ру-гались, ис чёвó рьзошлись.* Пуст.;
- (45) *Ни один провод не зад... [не задел?], видите, там вон сколько этих труб, и ничего он не задел, и стала посередь двора, и стояла.* Рог.

Таблица 5

РП и ВП в конструкциях с сочетанием *ни один*

Источник	РП	ВП
Уст.	6	0
Пуст.	6	0
Рог.	3	1 (?)
НКРЯ-уст.	15	4

⁵ Здесь и далее примеры приводятся в том виде, в котором они представлены в корпусах. В Устьянском и Роговатовском электронных звучащих корпусах принята орфографическая запись, материалы из Пустошинской базы данных и Роговатовского корпуса расшифрованных текстов даются в упрощенной фонетической транскрипции (*o* и *e* «закрытые» обозначаются как *ó*, *ê*, знак *ъ* обозначает звук среднего ряда среднего подъема, *ǎ* — краткий [а], *ǔ* и *w* обозначают аллофоны фонемы /в/, *l* означает невелиризованный вариант /л/).

5.1.2. Конструкции с частицей *ни*

Конструкции с частицей *ни* по значению близки к конструкциям с *ни один* и обычно имеют значение полного отсутствия [РГ-1980, 1: 726]. Эти сочетания обладают высокой степенью фразеологизированности, их состав лексически ограничен.

В НКРЯ-уст. в сочетаниях с частицей *ни* с усилительным значением употребляется РП: *ни слова* (5), *ни копейки* (3), *ни рубля*, *ни капли*, *ни капельки*, *ни шагу* (примеры 46–50). В диалектных корпусах также фиксируется только РП (51–56).

- (46) *Ну / про Ольгу Валерьевну я вам ни слова не говорила* [Разговор об условиях приема в магистратуру // Из коллекции НКРЯ, 2015];
- (47) *Я Димке на икру дала / туда-сюда / вчера целый список нашла / говорит / без моего ведома ни копейки из кассы не давать* [Разговор об аквапарке, одежде и котках // Из коллекции НКРЯ, 2008];
- (48) *Угу... ээ... А правда / что ты ни рубля у родителей не взял / это были именно твои честно заработанные деньги там?* [Интервью с биржевым игроком // Из коллекции НКРЯ, 2007];
- (49) *А я вот не употребляю совсем ни капли / даже по праздникам* [Разговор знакомых // Из коллекции НКРЯ, 2006];
- (50) *Она задумалась и не смогла сделать ни шагу* [Обсуждение итогов педагогической практики студентов // Из коллекции НКРЯ, 2009];
- (51) *И всё равно, там увезли в больницу, а он уж ни слова не сказал.* Уст.;
- (52) *Надя у меня не взяла ни копейки.* Уст.;
- (53) *Ни копейки нигде не заработаешь, один колхозный трудовдень.* Уст.;
- (54) *Дак ни копейки не положил.* Уст.;
- (55) *А он ей гъворит: ни слóва мнѣ пѣперѣк ни гъвори́.* Пуст.;
- (56) *Мнѣ ни слóва ни гъвори́л, и я ёму ничёво ни гъвори́ла.* Пуст.

В устной речи возможны также контексты с аналогичным значением без частицы *ни*. В НКРЯ-уст. в пределах рассмотренного подкорпуса встретился один пример (57). В диалектных корпусах такие конструкции достаточно частотны (58–64), особенно в среднерусском корпусе Пуст.

- (57) *Нет / ни с кого рубля не возьму* [Домашний разговор // Из коллекции НКРЯ, 2005];
- (58) *Мать у нас солóмины ни бралá, вóт, фсѣ ф колхóзи.* Пуст.;
- (59) *Ни возмѣи кѣмбикóръмику, щепóти ни возмѣи, никодá, в жызьни.* Пуст.;
- (60) *Пръноси́ дѣнги, и нигдѣ никому́ копѣйки ни должнá.* Пуст.;
- (61) *А я фсю жысь нигдѣ глоткá винá ни вы́пилъ, кодá пóтчюют, я мáтѣм прѣкалю́, я нѣ робóти.* Пуст.;
- (62) *Нет, копейки-то не давали, без соли ели, и не мыла не было, щелоком мылись.* Уст.;
- (63) *Вот, Мишенька дак... Он тут слова не сказал.* Уст.;
- (64) *Ой, отвернулся сын да заплакал, отцу слова не сказал, отцу слова-то не сказал да (фольк.).* Уст.

Сочетания с усилительной частицей *и* отмечены в Рог., при этом объект возможен в форме генитива и аккузатива (65, 66), а также в Уст. с генитивным объектом (67):

- (65) *А то она и шагу не ступала без двух костылей.* Рог.;
 (66) *А тады́ ни ўвiдiши и пáльчкю!* (на улице в те времена, когда не было газа и нужно было топить печи дровами) Рог.;
 (67) *Я тебе и слова не сказал.* Уст.

5.1.3. Конструкции с местоимением *никакой*

В НКРЯ-уст. в контекстах с местоимением *никакой* преобладает РП (68–70), но возможен также ВП (71, 72), см. табл. 6.

- (68) *Вот это дом... / И тут я понимаю / что я больше никакой информации не помню об этом* [Прогулка по городу // Из материалов корпуса «Один речевой день», подготовленного группой А. С. Асиновского, 2007];
 (69) *Это же на тебя никаких обязательств не накладывает* [Пересказ телефонного разговора // Из коллекции НКРЯ, 2005];
 (70) *И вообще / никаких особых эмоций / кроме скуки / фильм не вызывает...* [Разговор двух студенток о кино // Из коллекции НКРЯ, 2005];
 (71) *Мам! мы сериалы никакие не смотрим!* [Домашний разговор // Из коллекции НКРЯ, 2008];
 (72) *Но у меня ни разу не брали / потому что я всегда отвечала хорошо и никакие взятки никогда не давала и не брала* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2005].

В Устьянском корпусе в этих конструкциях также преобладает РП (примеры 73–76), но есть случаи употребления ВП (77, 78):

- (73) *Одежки не беру никакой крутой.* Уст.;
 (74) *Да не знаю, я, например, дак всю жизнь прожила, никакого оберега не делала, никакого.* Уст.;
 (75) *Наша семья дак пока мирное время было, дак никакого... беды никакой не видали, недостатка не видали, а когда война была да отца не стало, дак тогда уж и худо было.* Уст.;
 (76) *Какое, утюгов мы и не знали! Никаких мы утюгов не знали!* Уст.;
 (77) *И бизнесом может заниматься любой. Не надо платить никакие вообще налоги.* Уст.;
 (78) *Тогда жилье не строили никакое, и вообще со строительством было плохо* Уст.

Материалы Пуст. и Рог. демонстрируют равное количество форм РП (79–82) и ВП (83–87). В корпусе Пуст. отмечено колебание формы РП и ВП в пределах одной синтагмы (88).

- (79) *Быть, мѡжи и былá, ну никакiхъ слѡф я ни слыхáла.* Пуст.;
 (80) *...ф колхѡзи-ть у нас ничѣво нѣ была, никакiхъ дѣникъ ни давáли.* Пуст.;
 (81) *А я дѹмъль мнѣ (предлагают алкоголь), я никакiхъ ўлаткѡв ни бяру́.* Рог.;
 (82) *А къдá суды́ я пирешлá, хѡть зáмуш вышль, ну я уш трѹднѣстий никакiхъ ни видáль.* Рог.;

- (83) *Я ище робѣтъла, никакую пѣнсию мы не зѣнали.* Пуст.;
- (84) *Бизь вина-тъ онѣ ни пойдут, а гдѣ взять, я ни бѣру вино никакѣ.* Пуст.;
- (85) *Лоховни мне эти никакие не покупают чтоб там одеть как молодежь-то.* Рог.;
- (86) *Вѣду никакү не пѣй, токъ эту пей, и пей, и пей.* Рог.;
- (87) *Никто мне никакую помощь не давал.* Рог.;
- (88) *Я ни с ково вѣк ни брала никакїх дѣньги.* Пуст.

Таблица 6

РП и ВП при отрицании в конструкциях с местоимением *никакой*

Источник	РП	ВП
Уст.	17	3
Пуст.	3	3
Рог.	3	3
НКРЯ-уст.	10	5

Таким образом, в конструкциях со словами *ни*, *никакой* и сочетанием *ни один* объективный генитив преобладает во всех диалектных корпусах и НКРЯ-уст. В диалектных аккумулятивных корпусах Пуст. и Рог. в некоторых позициях наблюдается равное количество форм РП и ВП.

Примечательно, что в аккумулятивном корпусе НКРЯ-юг отмечена форма ВП (89), в генитивном НКРЯ-север – только РП (90, 91, всего четыре примера):

- (89) *...даже хлеб не сеяли. Никакие работы не делали* [В Чистый четверг красили яйца (Вязовое, Жердевский район, Тамбовская область, 2006)];
- (90) *А я не замечала никаких дней, дак не знаю* [Дети (Архангельская область, 2001)];
- (91) *Ну там никаких, видимо, имѣн таких подходящих не нашла* [на день, когда крестила?] ага, а Катерину нашла, вот эту и дала [Религия. Крещение (Архангельская область, 2007)].

5.1.4. Конструкции с повторяющимся союзом *ни... ни* в устном корпусе НКРЯ

Далее будет рассмотрено четыре типа конструкций, в состав которых входит сочинительный соединительный союз *ни... ни*:

- перечислительный ряд с двумя и более однородными членами без обобщающего слова (*ни... ни...*);
- перечислительный ряд с двумя и более однородными членами с обобщающим словом (*ни... ни... ничего*);
- одноместный перечислительный ряд с обобщающим словом (*ни... ничего*);
- одноместный перечислительный ряд без обобщающего слова (*ни...*).

В НКРЯ-уст. представлены все четыре типа конструкций. Подсчеты варьирующихся форм показывают, что в конструкциях с союзом *ни... ни* преобладает ВП, см. табл. 7.

А. **Ни... ни.** Союз *ни... ни* в русском литературном языке обычно употребляется в перечислительных рядах с двумя или тремя однородными членами, однако теоретически возможны перечислительные ряды любой длины [Урысон 2011: 297]. В устно-разговорной

речи, в том числе в говорах, перечислительные ряды, как правило, короче, чем в литературном языке [Кузьмина, Голубева 2000: 83].

В устном корпусе НКРЯ при глаголе с отрицанием в конструкции с союзом *ни... ни* без обобщающего слова отмечены контексты как с РП (92, 93), так и с ВП в дистантной (94) и локальной позициях (95, 96):

- (92) *...потому что приходит такой гадкий утёнок / знает / ничего не умеет / и **никогда не видел ни шампуня / ни мыла*** [Порубежье (Себеж). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура»), 2007];
- (93) *Ну как я могу тебе объяснить / если ты **не читал ни того / ни другого*** [Телефонный разговор мужчины и женщины // Из коллекции НКРЯ, 2005];
- (94) *Дело в том / что Саши Трубников / ну знаете его / они собираются с отцом переделывать крышу у себя на даче и **не хотят укладывать туда / под крышу / ни толь / ни рубероид*** [Телефонный разговор с тестем // Из коллекции НКРЯ, 2005];
- (95) *Я чё-то одно хочу сказать / потом хочу чё-то второе сказать / потом понимаю / что можно **ни первое / ни второе не говорить*** [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2009];
- (96) *Главное **ни мяса / ни рыбу / ни колбасу ты не ела*** [Домашние разговоры // Из коллекции НКРЯ, 2006].

Б. Ни... ни... ничего: конструкции с обобщающим словом. Обобщающие слова и сочетания указывают на то, что в перечислительный ряд включены не все потенциально возможные компоненты, предполагаемые данной ситуацией [Урысон 2011: 306]. В устном корпусе НКРЯ в конструкции с двумя однородными членами и обобщающим словом зафиксирован пример с РП объекта при генитивном глаголе *иметь* (97) и примеры с ВП (98, 99):

- (97) *Мы там старые участники войны / что никто не возьмётся на пустом месте / **не имея ни денег / ни средств / ничего** / создать эти вещи / как / вроде / неплохой организатор* [Беседа с редактором газеты // Из коллекции НКРЯ, 2009];
- (98) ***Ни кофе ни чай / ничего не делали?*** [Домашние разговоры, Москва // Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М.: Наука, 1978];
- (99) *Если **не включить ни патефоны / ни граммофоны / ни музыкальные инструменты / ни органы / ни фисгармонию / ни музыкальные шкатулки / ни симфониион / ничего** / допустим там / да / представляете / получится / что музей-то мёртвый* [Беседа с директором музея // Из коллекции НКРЯ, 2009].

В. Ни... ничего. В устно-разговорной речи возможно опущение второй части повторяющегося союза, в результате чего создается одноместный перечислительный ряд. При этом на возможность продолжения перечисления указывает перечислительная интонация. В устном корпусе НКРЯ в одноместных перечислительных рядах с обобщающими словами *ничего, никакой* в таких конструкциях фиксируется как РП (100–102), так и ВП (103–106):

- (100) *Финская у нас какая была / **не боялись ни бомбёжки / ничего*** [Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург // Архив Хельсинкского университета, 1997];
- (101) *Ему **ничего не покупай / ни сосисок / ничего*** [Разговор дома на кухне // Из коллекции НКРЯ, 2007];

- (102) *К тому же я первый раз ехала туда на трамвае / не знала ни остановки / ничего / только номер трамвая* [Рассказ о посещении подруги // Из коллекции НКРЯ, 2006];
- (103) *А ты чё в одноклассники ни почту не открываешь/ ничего ни это самое* [Разговор по телефону о знакомых и родственниках // Из коллекции НКРЯ, 2015];
- (104) *...а у вас два с половиной человека в профсоюзе и никто ни взносы не платит / ничего* [Собрание профсоюза (2009)];
- (105) *Она мне эсэмэску пришлёт / а телефон так и не написала ни рабочий / ничё* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2009];
- (106) *А потому / что мне кажется / вы это... не... не пилили вообще... не пилили ни дёревя / ничего ваще...* [Разговор о грибах // Из коллекции НКРЯ, 2006].

Г. **Ни...** В разговорной речи возможен также одноместный перечислительный ряд без обобщающего слова:

- (107) *Да / вот тётя Валя вроде бы / ну / побаливало у неё там / ну так / чтоб она там / не стонала там / ну / что... она ни обезболивающие не пила* [Разговор дочери с матерью о домашних делах // Из коллекции НКРЯ, 2015].
- (108) *...и я был официально зачислен / хотя я не имел ...аа... ни трудовой книжки / потому что как было там / трудовые книжки / скажем / заводились с шестнадцати лет / если я не ошибаюсь / в советское время* [Беседа с директором музея // Из коллекции НКРЯ, 2009].

Таблица 7

Конструкции с повторяющимся союзом *ни... ни* в НКРЯ-уст.

Конструкция	РП	ВП
<i>ни... ни</i>	1	5
<i>ни... ни... ничего</i>	1 (при <i>иметь</i>)	2
<i>ни... ничего</i>	4	4
<i>ни...</i>	1 (при <i>иметь</i>)	1
Всего	7	12

5.1.5. Конструкции с повторяющимся союзом *ни... ни* в корпусах Пустошей и Роговатки

В аккумулятивных корпусах Пуст. и Рог. в конструкциях с союзом *ни... ни* так же, как в НКРЯ-устном, преобладает ВП. Двухместные перечислительные ряды встречаются относительно редко (109, 110), более употребительны одноместные перечислительные ряды с обобщающим словом (111) или чаще без обобщающего слова (112–116) с объектом в форме ВП.

- (109) *По-разньму, фсё пёсьни, а ет ты не знаиши никакых ни пёсин, ни бёсин?* Пуст.;
- (110) *Ни зашьить ни могу, ни игёлку вдётть, ничё.* Пуст.;
- (111) *Он ёт вас ничьюб не взял, ни квартьиру, а яму пабожьна, трёхкомнётнья, а он бы мох атсудидь бы.* Рог.;
- (112) *Ушóл, ауá, ну ушóл он ат нých — ни квартьиру ни ўзяў, квартьиру трёхкомнётнью.* Рог.;

- (113) *Ни огород не паирут, огород сейчас частники паирут.* Рог.;
- (114) *...всё погнило, сарай этот решето, ни корову не завести её было, в сенцы заведёт в хату.* Рог.;
- (115) *...он увесь вёк нул, а́тэц йёин, и ни дёньюи ей не дьвал матури, и гна пълучала минималнюю, и скока, гна там умерла уш скока.* Рог.;
- (116) *Раньшы ни сажали, ни рьзрешали там ни яблны, фпиреди окошгк.* Пуст.

Таблица 8

Конструкции с повторяющимся союзом *ни... ни* в корпусах Пуст. и Рог.

Конструкция	РП	ВП
<i>ни... ни</i>	1	1
<i>ни... ни... ничего</i>	0	0
<i>ни... ничего</i>	0	1
<i>ни...</i>	0	5
Всего	1	6

В НКРЯ-юг также отмечены примеры с ВП при повторяющемся союзе *ни... ни*, соединяющем части сложного предложения (117) и в одноместном перечислительном ряду без обобщающего слова (118):

- (117) *Тут не ядят ни молоко ни ядят, ни мясо ни ядят, значить* [Семь недель бывает пост перед Пасхой (Гаритово, Мичуринский район, Тамбовская область, 2004)];
- (118) *Иона в Чистый четверг поужинаить вечером и ни йисть, пока разговляться, ни йисть. Ни чай ни пьёт, пока разговляться* [Начинается обедня, запоют «Христос воскрес» (Старая Казинка, Мичуринский район, Тамбовская область, 2004)].

5.1.6. Конструкции с повторяющимся союзом *ни... ни* в Устьянском корпусе

А. **Ни... ни.** В перечислительных рядах без обобщающего слова в генитивном Уст. обладает РП (119–121), однако встретился также один пример с ВП (122). Союз *ни...ни* может употребляться в составе устойчивых сочинительных сочетаний, например *не знать ни дня, ни ночи* [Урысон 2011: 303–306] (123).

- (119) *А ему не дадут, наказано строго-настрого дедку не давать ни вина, ни пива в долг.* Уст.;
- (120) *Мне даже вот сейчас я если паспорт на дом-то не сделаю, мне ни дров, ни леса не выпишут.* Уст.;
- (121) *Ну, конечно, этого не растили ни огурцов, ни помидоров, этого не знали.* Уст.;
- (122) *Вот дак, до семи лет она ни маму, ни папу не называла, вот только начала разговаривать-то, и в школу надо было идти.* Уст.;
- (123) *А народу столько было, вызывали, ни дня, ни ночи, говорит, не знала.* Уст.

Б. **Ни... ни... ничего.** В перечислительных рядах с обобщающими словами *ничего, никого* в Устьянском корпусе и НКРЯ-север встретились только формы РП:

- (124) ...ведь это своих **никого не потронет: ни курицы, ни... ни кисок**. Уст.;
- (125) **Ни выходного, ни праздника, ничего этого не знала, работала, работала, работала**. Уст.;
- (126) Поехала — от как он меня и попёр, я **не видела ни земли ни нёба – ничего**, он меня ведь снегом закидал [Быт. Видения (Архангельская область, 1999)]. НКРЯ-север.

В. Ни... ничего. В одноместных перечислительных рядах с обобщающими словами *ничего, никакой* в Устьянском корпусе преобладает форма РП объекта, но один раз встречается не очень надежный ВП (132):

- (127) Колхозы несли тоже... садили, **ничего не давали, ни земли, ничего не давали**. Уст.;
- (128) Не пускаю я, не пускаю пьяниц, я не люблю, как пьют, я сама **не пью ничё, дак ни пива ничё**. Уст.;
- (129) А вот ещё удивительно. **Не видывал ни стопок, ничего**. Только стаканами пили. Уст.;
- (130) Так я нет, не хочу, **этой рыбы не хочу вообще, ни жареной, ни... никакой** Уст.;
- (131) Да просто это самое, мы даже **ни свадьбу, ничего не хотели**. Уст.;
- (132) Чего, **ни давление** (давления?) **сами не мерили, ничего, это самое**. Уст.

Таблица 9

Конструкции с повторяющимся союзом *ни... ни* в корпусе Уст.

Конструкция	РП	ВП
<i>ни... ни</i>	4	1
<i>ни... ни... ничего</i>	2	0
<i>ни... ничего</i>	6	1
<i>ни...</i>	0	0
Всего	12	2

Таким образом, по употреблению формы объекта в конструкциях с повторяющимся союзом *ни... ни* рассмотренные корпуса разделяются на аккузативные и генитивные. Распределение форм РП и ВП объекта в конструкциях с повторяющимся союзом *ни... ни* подчиняется тенденции распределения этих форм в аккузативных и генитивных системах: ВП преобладает в корпусах НКРЯ-уст., Рог. и Мал, РП – в Уст.

5.2. Влияние сильных генитивных факторов на выбор формы объекта в разных корпусах

Анализ немногочисленных контекстов с РП объекта из аккузативных южнорусских корпусов показывает, что практически всегда в них присутствуют сильные генитивные факторы: слова и сочетания, усиливающие отрицание (рассмотренные в 5.1), устойчивые сочетания с генитивом, употребление в роли объекта анафорического местоимения (см. 4.2). Так, в корпусе Мал. содержится 25 генитивных контекстов, из них в 14 (56%) присутствуют сильные генитивные факторы. В частности, восемь контекстов представляют собой устойчивые сочетания с абстрактным именем: *внимания не обращает, внимания*

не обратил; не имеет значения; на старших уже почёта не имеют; извиненья не попросила; росту не дала 'не выросла' (два примера); один контекст является фольклорной формулой: *живет-поживает — добра не наживает*; в трех контекстах содержатся факторы, усиливающие отрицание (частица *ни*, сочетание *ни один*): *ни рубля не дали на похороны; ни ложки не брали; ни одного дара не получала*; в трех — анафорические местоимения: *не хочет даже этого; чтоб не носить этого (воду); этого я не <слышала>*.

В корпусе Рог. из 67 генитивных форм 28 (42%) содержат сильные генитивные факторы.

В севернорусском корпусе Уст. количество контекстов, в которых предпочтение формы генитива аккузативу можно объяснить влиянием вышеперечисленных генитивных факторов, значительно ниже: 98 примеров из 374 (26%).

5.3. Влияние сильных аккузативных факторов на выбор формы объекта

5.3.1. РП и ВП при инфинитиве, зависящем от глагола с отрицанием

Позиция при инфинитиве, который зависит от личного глагола или модального предикатива с отрицанием — один из самых сильных аккузативных факторов [РГ-1980, 2: 416–417; Ицкович 1982: 39; Аркадьев 2017], обзор литературы см. в [Мустайоки 1985: 63–68]. В уже упоминавшейся работе [Krasovitsky et al. 2011: 588] приведены данные, согласно которым генитив в конструкции с дистантным отрицанием в современной художественной литературе употребляется всего в 12% случаев.

Эти результаты совпадают с полученными нами данными НКРЯ-уст. — 13% аккузатива в дистантных конструкциях, см. табл. 10.

В севернорусских говорах доля РП в конструкциях с дистантным отрицанием значительно выше (45% в Уст.). При этом генитив употребляется как при генитивных [Падучева 2013: 150–155] глаголах физического восприятия и передачи *брать, выписывать, найти, пить* (133–138), знания *вспомнить* (139, 140), создания *делать, оформить* (141, 142), которые можно было бы рассматривать как дополнительный фактор, обуславливающий появление РП, так и при аккузативных глаголах, которые чаще управляют ВП — глаголах со значением физического воздействия на объект *стирать* (144), изменения положения объекта в пространстве *раздеть* 'снять', *снимать, поднять* (145–147). В форме РП объекта могут употребляться как неисчисляемые сущ. ед. ч. *вино, одеколон, молоко, работа* (133, 136–138) и мн. ч. *газеты, сочни, пелёнки* (134, 142, 144), так и исчисляемые сущ. ед. ч. *телефон, платок, топор, трубка* (телефонная), *слово, фамилия* (135, 139, 140, 143, 145, 147). Генитив может употребляться также в том случае, если инфинитив зависит от отрицательного местоимения или наречия (148).

(133) *Ему не поверят, да не, не то что, а не не буду в долг брать вина.* Уст.;

(134) *И газет не стали выписывать.* Уст.;

(135) *Иван ещё телефона найти не может.* Уст.;

(136) *А молодые не могут нигде работы найти.* Уст.;

(137) *Ну, ко мне приходит: «Я тебя тоже одеколон научу!» Я говорю: «Нет, уж ты меня не научишь одеколону пить!».* Уст.;

(138) *А детей нет дак, разъехались. Ну дак тут, конечно, и молока не стали пить.* Уст.;

(139) *Смотрела, дак у одной, у одной не могла вспомнить фамилии тоже.* Уст.;

(140) *Вот. Этого слова не могла вспомнить: управляющий.* Уст.;

- (141) *Офицеры с семьями сидели по несколько суток, не могли литеров даже оформить... проездных.* Уст.;
- (142) *Я сама не пекла их, потому что не умею сочной делать.* Уст.;
- (143) *Я и запрягать-то не могла и топора не могла держать.* Уст.;
- (144) *Дак свекровка не давала с мылом стирать пелёнок.* Уст.;
- (145) *Не успела платка раздеть.* Уст.;
- (146) *Сейчас идешь дак всё, сапогов снимать не надо было.* Уст.;
- (147) *Неужели я трубки (телефонной) не могу поднять. Такую бестолковку считает, что я ничего не понимаю.* Уст.;
- (148) *Привыкла вот в печи дак, неохота печки (РП ед. ч.) топить.* Уст.

Таблица 10

Употребление РП и ВП в дистантной конструкции в НКРЯ-уст., Рог., СБ и Уст.⁶

Источник	РП	ВП	Всего
НКРЯ-уст.	14 (13 %)	98 (87 %)	112
Рог.	5 (25 %)	15 (75 %)	20
СБ	6 (35 %)	11 (65 %)	17
Уст.	34 (45 %)	42 (55 %)	76

А. Мустайоки [1985: 68], описывая выбор падежа объекта в данной конструкции на русском материале, отмечает, что в финском языке действие отрицательной частицы на выбор падежа объекта не ослабляется, как бы далеко она ни находилась от дополнения.

П. М. Аркадьев [2017: 200] констатирует, что дистантный генитив при отрицании обязателен в прибалтийско-финских языках (финском, эстонском, водском), регулярен в балтийских языках (литовском и латгальском) и в ряде славянских языков (польском, словенском). Например, в литовском языке в дистантной конструкции с разносубъектными матричными предикатами допустим и аккузатив и генитив, хотя генитив предпочтителен. Из этих языков водский, эстонский и финский относятся к восточной части ареальной изоглоссы и географически соприкасаются с севернорусскими диалектами.

5.3.2. Референтность объекта

Как уже говорилось выше, конкретные, определенные объекты чаще маркируются формой ВП, а неопределенные, абстрактные — РП [РГ-1980, 2: 416–417; Ицкович 1982: 39; Timberlake 1986: 341–342; Mustajoki, Heino 1991: 25; Падучева 2013: 135–149].

Форма ВП преобладает в случаях, когда объект выражен, в частности, именем собственным, реляционным именем. Анализ корпуса художественных текстов показал, что доля аккузативных форм среди сущ., обозначающих человека, составляет 97,4% [Mustajoki, Heino 1991: 25].

В рассмотренных нами материалах северных говоров в форме РП достаточно активно употребляются одушевленные сущ.: имена собственные, названия родственников (149–155), а также другие референтные имена: неодушевленные имена собственные (156), сущ., обозначающие части тела (157, 158), сущ. в контекстах с дополнительным указанием на определенность объекта (150, 159 и др.):

⁶ Разница статистически значима (p-value < 0,01, тест χ^2).

- (149) *Никак не может Ваньки-то поймать* дак. Уст.;
- (150) *Матери не могу найти. Ну моей-то.* Уст.;
- (151) *А девки* (дочери) *уж теперь, вот сколько, тридцать годов не видал.* Уст.;
- (152) *А мама-то с папой не отдали, мама говорит: «Я хоть о тебе одной плакать да думать буду, не отдам девки тебе, поезжай одна».* Уст.;
- (153) *Не помню, она на Шалимове жила, не помню своей бабушки.* Уст.;
- (154) *...евонну бабушку, а матери не помню его, тоже в лесу убило бабушку, мать.* Уст.;
- (155) *Я и не спрашивал матери, когда меня и крестили, во сколько.* Уст.;
- (156) *И бобров много, но бобры её не могут ещё Верюги* (Верюга — река) *запрудить полностью.* Уст.;
- (157) *И на берег вышла, из лодки, и я от этого парня все еще не могу отцепить рук.* Уст.;
- (158) *Она говорит дак: не дергай ты руки́, тебе руки́, — говорит, — не выдернуть, я, — говорит, — крепко ее привязала.* Уст.;
- (159) *Потом тут был дом, эти вот я дома помню, и тут ещё между колодцами, между мной ещё у меня тут был домик, этого я домика не помню.* Уст.

Процент одушевленных сущ. в форме генитива в Уст. выше, чем в Рог. и Пуст., см. табл. 11. В материалах Уст. из 38 одушевленных сущ. в позиции прямого объекта при глаголе с отрицанием 12 (32 %) имеют форму генитива, 26 — аккузатива.

В материалах двух корпусов Рог. встретилось 14 контекстов с одушевленными сущ., из них форма генитива употреблена всего в двух примерах (14 %) — при глаголах *слухать*, *почитать* в вариантах пословицы о почитании родителей (160). В Пуст. аккузативном корпусе на 12 примеров с одушевленным объектом употреблена одна форма РП (8 %) при генитивном глаголе *послушать* (161):

- (160) *Хто́ ма́тери ня сл́ухая, хто ъца́-ма́тери ни пь́чита́е, то́т, у́йт, тры́жди прѡ́клитъ́й.* Рог (ср. пословицы: *кто матери не послушает, в беду попадет; кто мать и отца почитает, тот вовеки не погибает*).
- (161) *Ни послушьла цыга́нки.* Пуст.

Таблица 11

Употребление РП и ВП одушевленных сущ. в Уст., Пуст. и Рог.

Источник	РП	ВП	Всего
Устьянский	12 (32 %)	26 (68 %)	38
Роговатка	2 (14 %)	12 (86 %)	14
Пустоша	1 (8 %)	11 (92 %)	12

5.4. Влияние семантического класса глагола на выбор формы объекта

В генитивном корпусе Уст. при глаголах обладания, восприятия, знания, создания, перемещения РП употребляется в 90 % случаев, при глаголах речи, эмоций, физического

воздействия на объект — соответственно, в 10 %. Примерно такое же соотношение устанавливается для аккузативных корпусов: в Рог. доля генитива при генитивных глаголах составляет 95 %, в Мал. — 89 %.

Таким образом, и в аккузативных, и в генитивных корпусах, как и в литературном языке [Падучева 2013: 150–155], генитив при отрицании предпочитается при глаголах определенных семантических классов, то есть для различения диалектных корпусов этот фактор не является релевантным.

Однако нужно отметить, что в северном Уст. корпусе фиксируются сочетания генитивных глаголов с объектом в форме РП, невозможные для литературного языка [Там же: 155], в частности сочетание глагола речи и личного сущ. в форме генитива (155).

6. Сочетание *не пить вино/не пить вина* в Устьянском и Пустошинском корпусах

Тенденция предпочтения РП или ВП при отрицании в генитивных и аккузативных корпусах действует также на уровне отдельных лексем и словосочетаний. Ярким примером является частотное сочетание *пить вино* ‘злоупотреблять алкоголем’.

В северном Уст. корпусе в этом сочетании преобладает форма генитива: *не пил вина* (162–164) — 12 примеров из 15. Примеры с аккузативом единичны (165). В среднерусском говоре Пустошей, напротив, в подавляющем большинстве случаев в этом сочетании употребляется форма аккузатива (166–169) — 12 примеров из 13.

(162) *Она никогда вина не пила, ни в жизни!* Уст.;

(163) *А как вина-то не пьют, дак пенсии, ноне пенсии-то хорошие дают-то им.* Уст.;

(164) *Не, ой, боже избавь, что <я> курить, я вина-то не пью, не то <?> курить, ты что!* Уст.;

(165) *Его не пустили вино выпивать.* Уст.;

(166) *Какіе дёньги большіе, а чёво дёльли — чай піли, спасіба вино не піли.* Пуст.;

(167) *И зять хорóший, вино не пьёт.* Пуст.;

(168) *Жыва́я она́, уш ста́ра, у ей му́ш жыво́й, он вино́ не пил, фрэнтовік.* Пуст.;

(169) *Крупный был, кудрявый, гэт, лохматый, а вино́ любі́л до́ смерти, а отёц у нас не́ пил вино́.* Пуст.

В сочетании *не брать в рот вино / не брать в рот вина* также фиксируется форма генитива в Уст. и аккузатива в Пуст.:

(170) *А я теперь дак в рот не беру вина.* Уст.;

(171) *Я срóду в рот ни бра́ла́ эту́ гадёсть, вино́, нигде́.* Пуст.

7. Ареальная перспектива

В литературе широко обсуждается идея финно-угорского влияния на индоевропейские языки в циркумбалтийском лингвистическом ареале. Ранние хроники фиксируют контакт славянских и финно-угорских племен уже с 862 г.; предположительно, этот процесс

начался еще в VI в. [Decsy 1967: 150–151; Veenker 1967: 18; Thomason, Kaufman 1988: 239]; о финно-угорском влиянии на славянские и балтийские языки см. также [Timberlake 1974; Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001] и др. В типологической литературе описываются просодические, фонологические и морфосинтаксические явления, которые предположительно заимствованы из финно-угорских языков, например особенности употребления объектного и субъектного генитива [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001: 663–666; Seržant 2015]⁷, номинативного объекта [Timberlake 1974; Holvoet 1993; Ambrazas 2001; Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001: 660–663, 667–669; Seržant 2016; Циммерлинг 2019], ср. [Степанов 1984], см. также [Маркова 1985; 1989; Ронько 2017], полный список дан в обзоре И. А. Сержанта [Seržant (in print)]. Необходимо заметить, что изоглоссы указанных явлений связаны именно с восточной частью циркумбалтийского ареала и отсутствуют в германских языках.

Субъектный и объектный генитив при отрицании в циркумбалтийском ареале рассматриваются в [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001: 639–653, 656–660]. Подчеркивается, что финский партитив отрицания «вряд ли возник полностью независимо от балто-славянского, хотя точное направление контактного влияния не вполне очевидно» [Аркадьев 2017: 232].

В связи с тем, что генитив при отрицании употребляется на всей территории распространения русского языка, мы не можем обсуждать проблему непосредственного заимствования этого явления в севернорусских диалектах (ср. о заимствованиях моделей: [Matras 2007]). Но факт более устойчивого сохранения на севере генитива при отрицании (большей распространенности конструкции с генитивом при инфинитиве, зависящем от глагола с отрицанием, расширение фильтра на определенность и одушевленность) позволяет допустить влияние языка со строгим правилом употребления генитива при отрицании на севернорусские говоры. Последствия этого влияния, возможно, замедляют на этой территории общерусскую тенденцию замены генитива при отрицании аккузативом.

Выводы

В статье на корпусном материале рассмотрено варьирование форм объекта при глаголе с отрицанием. В качестве источников исследования использовались диалектные корпуса, созданные на основе аудиозаписей современных русских говоров различной территориальной принадлежности, и устный корпус НКРЯ, на материале которого анализировалась разговорная речь жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Установлено, что в севернорусских корпусах (Уст. и НКРЯ-север) при глаголе с отрицанием генитивные формы преобладают над аккузативными (58–75 %). То же самое наблюдается в юго-западном корпусе СБ, отражающем говор украинско-белорусско-русского пограничья (73 % генитива). В устном корпусе НКРЯ и среднерусских и южнорусских диалектных корпусах, напротив, доля генитива меньше, чем аккузатива (20–45 %). При этом наиболее высокий процент употребления аккузатива при отрицании наблюдается в южнорусских корпусах Мал. и Рог. и среднерусском Пуст., которые можно по этому признаку отнести к юговосточнорусскому типу.

Обсуждались факторы, влияющие на выбор падежа объекта в конструкциях с отрицанием. Было установлено, что семантика глагола оказывает одинаковое влияние на выбор объектного актанга независимо от территориального фактора: подавляющее большинство примеров с генитивом (89–95 %) фиксируется при глаголах обладания, восприятия, знания, создания и перемещения.

Показано, что факторы, обуславливающие предпочтение генитива, в частности слова и сочетания, усиливающие отрицание, в разных корпусах действуют неодинаково:

⁷ Подробнее об этом явлении в русских говорах см. [Кузьмина 1993; Маркова 1989; 2008; Малышева 2014; Seržant 2014].

сочетание *ни один*, частица *ни*, местоимение *никакой*, как и ожидается, обуславливают предпочтение РП, конструкции же с повторяющимся союзом *ни... ни* в среднерусских, южнорусских и устном корпусе НКРЯ обнаруживают преобладание ВП, в севернорусском — РП.

Действие факторов, обуславливающих предпочтение аккумулятива, на севере смягчается. В частности, в севернорусских говорах достаточно широко употребляется генитив при отрицании в конструкции с зависимым инфинитивом, а также генитив референтных имен.

Таким образом, общерусская тенденция утраты генитива при отрицании и замены его аккумулятивом на севере действует значительно менее интенсивно. В настоящее время можно обозначить предпочтение аккумулятива или генитива в отрицательной конструкции как различительную черту русского диалектного пространства: более широкое употребление генитива может рассматриваться как маркер северной диалектной и, предположительно, региолектной речи. Рассмотренный материал не противоречит гипотезе о субстратной поддержке родительного при отрицании в севернорусских диалектах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВП — винительный падеж
ед. ч. — форма единственного числа
Иван. — корпус расшифрованных текстов
из Ивановской области
Мал. — корпус села Малинино
мн. ч. — форма множественного числа
Опоч. — корпус опочецких говоров
Пуст. — корпус села Пустоша
Рог. — корпус села Роговатка
РП — родительный падеж

СБ — корпус села Спиридонова Буда
сущ. — имя существительное
Уст. — Устьянский корпус
НКРЯ-уст. — устный корпус НКРЯ, пользовательский подкорпус «Устная непубличная речь»
НКРЯ-юг — южный подкорпус диалектного корпуса НКРЯ
НКРЯ-север — северный подкорпус диалектного корпуса НКРЯ

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Гардер и др. 2018 — Гардер М. О., Петрова Н. С., Мороз А. Б., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. *Корпус говора села Спиридонова Буда. 2018*. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://linghub.ru/spiridonovabuda/>, дата обращения 13.01.2020.
- Даниэль и др. 2013–2018 — Даниэль М., Добрушина Н., фон Вальденфельс Р. *Говор бассейна Устьи. Корпус севернорусской диалектной речи. 2013–2018*. Берн, Москва. URL: www.parasolcorpus.org/Pushkino, дата обращения 13.01.2020.
- Крылов, Тер-Аванесова 2012 — Крылов С. А., Тер-Аванесова А. В. *Электронные базы данных по русским народным говорам*. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=ruscorpora&encoding=utf-rus>, дата обращения 13.01.2020.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>, дата обращения 13.01.2020.
- Ронько и др. 2019 — Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребёнкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охупкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А. *Корпус опочецких говоров. 2019*. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://linghub.ru/oroschka>, дата обращения 13.01.2020.
- Тер-Аванесова и др. 2018 — Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова Е. В., Малышева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. *Корпус говора села Роговатка. 2018*. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/>, дата обращения 13.01.2020.
- Тер-Аванесова и др. 2019 — Тер-Аванесова А. В., Балабин Ф. А., Дьяченко С. В., Малышева А. В., Морозова В. А. *Корпус говора села Малинино. 2019*. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН. URL: <https://linghub.ru/malinino/>, дата обращения 13.01.2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АГ 1954 — *Грамматика русского языка*. Т. II: *Синтаксис*. Ч. 2. Виноградов В. В., Истрина Е. С. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1954. [*Grammatika russkogo yazyka* [Russian grammar]. Vol. II: *Sintaksis* [Syntax]. Part 2. Vinogradov V. V., Istrina E. S. (eds). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954.]
- Аркадьев 2017 — Аркадьев П. М. Объектный партитив отрицания: ареально-типологическая перспектива. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, т. XIII, ч. 3: 194–243. [Arkadiyev P. M. Object partitive of negation: An areal-typological perspective. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. XIII, part 3: 194–243.]
- АУМ, 1 — Матвiяє І. Г. (гол. ред.). *Атлас української мови*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1984. [Matviyas I. H. (ed.). *Atlas ukrayins'koyi movy* [Atlas of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova Dumka, 1984.]
- Борковский 1949 — Борковский В. И. *Синтаксис древнерусских граммот: простое предложение*. Львов: Львовский гос. ун-т, 1949. [Borkovskii V. I. *Sintaksis drevnerusskikh gramot: prostoe predlozhenie* [Syntax of Old Russian birchbark letters: Simple sentence]. Lvov: Lvov State Univ., 1949.]
- Борковский 1978 — Борковский В. И. (ред.). *Историческая грамматика русского языка: Синтаксис, простое предложение*. М.: Наука, 1978. [Borkovskii V. I. (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis, prostoe predlozhenie* [Historical grammar of Russian: Syntax, simple sentence]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Буслаев 1959 — Буслаев Ф. И. *Историческая грамматика русского языка*. М.: Учпедгиз, 1959. [Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow: Uchpedgiz, 1959.]
- Вайан 1952 — Вайан А. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual on Old Slavonic]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Востоков 1831 — Востоков А. Х. *Русская грамматика*. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. [Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. St. Petersburg: I. Glazunov, 1831.]
- Гецова 1997 — Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика. *Вопросы русского языкознания*. Вып. VII: *Русские диалекты: история и современность*. М.: Диалог, 1997, 138–197. [Getsova O. G. Variation in Arkhangelsk dialects of Russian and their linguogeographical characterization. *Voprosy russkogo yazykoznanija*. No. 7: *Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'*. Moscow: Dialog, 1997, 138–197.]
- Греч 1828 — Греч Н. И. *Начальные правила русской грамматики*. СПб.: в тип. издателя, 1828. [Grech N. I. *Nachal'nye pravila russkoi grammatiki* [Basic rules of Russian grammar]. St. Petersburg: in Publisher's press, 1828.]
- ДАБМ — Аванесаў Р. І (рэд.). *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*. Мінск: Выд-ва АН БССР, 1963. [Avanesov R. I. (ed.). *Dyialektalahichny atlas belaruskaj movy* [Dialectological atlas of Belarusian]. Minsk: Academy of Sciences of the Belorussian SSR Publ., 1963.]
- ДАБМ-к — Аванесаў Р. І (рэд.). *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы, каментарыі да карт*. Мінск: Выд-ва АН БССР, 1963. [Avanesov R. I. (ed.). *Dyialektalahichny atlas belaruskaj movy. Ustupnyya artykuly. Davedachnyya materjaly, komentaryi da kart* [Dialectological atlas of Belarusian. Introductory articles. Reference materials, notes to the maps]. Minsk: Academy of Sciences of the Belorussian SSR Publ., 1963.]
- ДАРЯ, I — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. I: *Фонетика. Карты*. М.: Наука, 1986. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropejskoi chasti SSSR* [Dialectological atlas of Russian. Center of European USSR]. No. 1: *Fonetika. Karty* [Phonetics. Maps]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Захарова и др. 1970 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров*. М.: Наука, 1970. [Zakharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. Yu. *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov* [Genesis of North Russian dialect and Middle Russian subdialects]. Moscow: Nauka, 1970.]

- Ицкович 1982 — Ицкович В. А. *Очерки синтаксической нормы*. М.: Наука, 1982. [Itskovich V. A. *Ocherki sintaksicheskoi normy* [An outline of syntactic norm]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Крысько 2006 — Крысько В. Б. *Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность*. 2-е изд. М.: Азбуковник, 2006. [Krys'ko V. B. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka. Ob'ekt i perekhodnost'* [Historical syntax of Russian. Object and transitivity]. 2nd edn. Moscow: Azbukovnik, 2006.]
- Кузьмина 1993 — Кузьмина И. Б. *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука, 1993. [Kuz'mina I. B. *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects in linguogeographical aspect]. Moscow: Nauka, 1993.]
- Кузьмина, Голубева 2000 — Кузьмина И. Б., Голубева Н. Л. Восточнославянские материалы ОЛА по сочинительным союзам в простом предложении (вопросы 3129–3131). *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования*. М.: Индрик, 2000. [Kuz'mina I. B., Golubeva N. L. East Slavic materials of the Panslavic Linguistic Atlas on coordinative conjunctions in simple sentence (questions 3129–3131). *Obshchesslavyanskii lingvisticheskii atlas: materialy i issledovaniya*. Moscow: Indrik, 2000.]
- Летучий 2008 — Летучий А. Б. Генитив, классы глаголов и пресуппозиции. *Объектный генитив при отрицании в русском языке*. Рахилина Е. В. (ред.). М.: Пробел-2000, 2008, 78–96. [Letuchiy A. B. The genitive, verb classes and presupposition. *Ob'ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom yazyke*. Ra- khilina E. V. (ed.). Moscow: Probel-2000, 2008, 78–96.]
- Ломоносов 1755/1952 — Ломоносов М. В. Российская грамматика. *Полное собрание сочинений*. Ломоносов М. В. Т. 7: *Труды по филологии 1739–1757*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [Lomonosov M. V. The Russian grammar. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Lomonosov M. V. Vol. 7: *Trudy po filologii 1739–1757* [Studies in philology 1739–1757]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952.]
- Лутин 2008 — Лутин С. А. *Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2008. [Lutin S. A. *Sistemno-funktional'nyi analiz kategorii padezha v russkom yazyke* [A systemic-functional analysis of the case category in Russian]. Ph.D. diss. abstract. Moscow: Peoples' Friendship Univ. of Russia, 2008.]
- Малышева 2010 — Малышева А. В. *Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ им. Виноградова РАН, 2010. [Malysheva A. V. *Iz istorii russkogo glagol'nogo upravleniya: ob'ektnyi genitiv (na materiale russkikh letopisei i sovremennykh arkhangel'skikh govorov)* [From the history of Russian verbal government: The genitive of object in Russian chronicles and modern Arkhangelsk dialects]. Ph.D. diss. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2010.]
- Малышева 2014 — Малышева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2014, 3: 120–144. [Malysheva A. V. The genitive of object in Russian chronicles and modern dialects. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2014, 3: 120–144.]
- Малышева 2015 — Малышева А. В. Вариативность аккузатива и генитива при глаголах зрительного восприятия (на материале русских летописей, литературного языка XVIII–XIX вв. и современных говоров). *Исследования по славянской диалектологии 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015, 404–431. [Malysheva A. V. Accusative–genitive variation with verbs of visual perception in Russian chronicles, literary 18th–19th century Russian, and modern dialects. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii 17: Sud'ba slavyanskikh dialektov i perspektivy slavyanskoi dialektologii v XXI veke*. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2015, 404–431.]
- Маркова 1985 — Маркова Н. В. Именительный падеж прямого объекта в онежских говорах. *История русского языка: Лексика. Язык художественной литературы*. М.: Наука, 1985, 74–87. [Markova N. V. Direct object nominative in Onega dialects. *Istoriya russkogo yazyka: Leksika. Yazyk khudozhestvennoi literatury*. Moscow: Nauka, 1985, 74–87.]
- Маркова 1989 — Маркова Н. В. *Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1989. [Dialektnye sposoby vyrazheniya sub'ekta i ob'ekta v Onezhskikh govorakh i ikh istoriya [Dialectal means of subject and object marking in Onega dialects of Russian and their history]. Ph.D. diss. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 1989.]
- Маркова 2008 — Маркова Н. В. Глагольные конструкции с родительным падежом объекта и субъекта в онежских говорах. *Севернорусские говоры*, 2008, 9: 146–155. [Markova N. V. Verbal constructions with object and subject in the genitive in Onega dialects. *Severnorusskie govory*, 2008, 9: 146–155.]

- Мустайоки 1985 — Мустайоки А. Падеж дополнения при отрицании в русском языке: поиски новых методологических приемов в изучении старой проблемы. *Slavica Helsingiensia*, 2. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1985. [Mustajoki A. Case marking of object in the context of negation in Russian: Searching for new methods for an old problem. *Slavica Helsingiensia*, 2. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1985.]
- Нефедова 2016 — Нефедова Е. А. О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка. *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*, 2016, 4: 75–89. [Nefedova E. A. On the place of Arkhangelsk dialects in the dialectal division of Russian. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2016, 4: 75–89.]
- Никитина 2013 — Никитина Е. Н. О винительном падеже при «модально-эмоциональных» глаголах (на примере глагола *бояться*). *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*, 2013, 5: 60–70. [Nikitina E. N. On the accusative with “modal- emotive” verbs: A case study of *bojat'sja* ‘to fear’. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2013, 5: 60–70.]
- Падучева 1992 — Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть*. [Paducheva E. V. On the semantic approach to syntax and genitive subject of the verb *byt'* ‘to be’.] *Russian Linguistics*, 1992, 16: 53–63.
- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? *Вопросы языкознания*, 1997, 2: 101–116. [Paducheva E. V. The genitive case of the subject: Syntax or semantics? *Voprosy Jazykoznanija*, 1997, 2: 101–116.]
- Падучева 2006 — Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении. *Вопросы языкознания*, 2006, 6: 21–43. [Paducheva E. V. Genitive of the object in negative sentences. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 6: 21–43.]
- Падучева 2013 — Падучева Е. В. *Русское отрицательное предложение*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2013.]
- Пешковский 1935 — Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: Учпедгиз, 1935. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific perspective]. Moscow: Uchpedgiz, 1935.]
- Потапова, Русинова 1991 — Потапова Н. П., Русинова И. И. Винительный и родительный падежи в функции прямого объекта (на материале говоров северной части Пермской области). *Литературный язык и народная речь: межвузовский сборник научных трудов*. Пермь: ПГУ, 1991, 54–69. [Potapova N. P., Rusinova I. I. Accusative and genitive as markers of direct object in Russian dialects of Northern Perm Oblast. *Literaturnyi yazyk i narodnaya rech': mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Perm: Perm State Univ., 1991, 54–69.]
- Потебня 1874/1958 — Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. Т. II. М.: Учпедгиз, 1958. [Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Vol. II. Moscow: Uchpedgiz, 1958.]
- Расторгуев 1927 — Расторгуев П. А. *Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров*. Ленинград: Ин-т белорусской культуры, 1927. [Rastorguev P. A. *Seversko-belorusskii govor: Issledovanie v oblasti dialektologii i istorii belorusskikh govorov* [Siverian-Belarusian dialect. A study in dialectology and history of Belarusian dialects]. Leningrad: Institute for Belarusian Culture, 1927.]
- Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. (ред.). *Объектный генитив при отрицании в русском языке*. М.: Пробел-2000, 2008. [Rakhilina E. V. (ed.). *Ob'ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom yazyke* [The genitive of object with negation in Russian]. Moscow: Probел-2000, 2008.]
- РГ-1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*: в 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Ронько 2017 — Ронько Р. В. *Нодо корова доумь!* Номинативный объект в севернорусских диалектах. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, т. XIII, ч. 3: 244–264. [Ronko R. V. ‘Nado korova doit’!. The nominative object in North Russian dialects. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. XIII, part 3: 244–264.]
- Скрёбнева 1970 — Скрёбнева А. А. Взаимоотношение беспредложных сочетаний в форме родительного и винительного падежей при переходных глаголах на материале диалектной речи. *Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: материалы к межвузовской научной конференции*: краткое содержание докладов. Мещерский Н. А. (ред.). Череповец: б.и., 1970, 73–77. [Skrebneva A. A. Relationship between prepositionless phrases in genitive and accusative with intransitive verbs in dialectal speech. *Voprosy izucheniya severnorusskikh govorov i pamyatnikov pis'mennosti: materialy k mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii*: Book of abstracts. Meshcherskii N. A. (ed.). Cherepovets, 1970, 73–77.]

- Собинникова 1955 — Собинникова В. И. Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). *Труды историко-филологического факультета Воронежского государственного университета*, 1955, 38: 115–129. [Sobinnikova V. I. Genitive and accusative of direct object in the context of negation in Russian dialects: A case study of Gremyachensky district dialects in Voronezh Oblast. *Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1955, 38: 115–129.]
- Собинникова 1961 — Собинникова В. И. *Простое предложение в русских народных говорах*. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1961. [Sobinnikova V. I. *Prostoe predlozhenie v russkikh narodnykh govorakh* [Simple sentence in Russian dialects]. Voronezh: Voronezh Univ. Press, 1961.]
- Спринчак 1960 — Спринчак Я. А. *Очерк русского исторического синтаксиса: Простое предложение*. Киев: Радянська школа, 1960. [Sprinchak Ya A. *Ocherk russkogo istoricheskogo sintaksisa: Prostoe predlozhenie* [An outline of Russian historical syntax: Simple sentence]. Kiev: Radyans'ka Shkola, 1960.]
- Степанов 1984 — Степанов Ю. С. Оборот земля пахать и его индоевропейские параллели. *Известия ОЛЯ РАН. Серия литературы и языка*, 1984, 43(2): 128–143. [Stepanov Yu. S. Construction of the type *zemlja paxat'* and its Indo-European parallels. *Izvestiya OLYa RAN. Seriya literatury i yazyka*, 1984, 43(2): 128–143.]
- Станишева 1966 — Станишева Д. С. *Винительный падеж в восточнославянских языках*. София: Изд-во Болг. акад. наук, 1966. [Stanisheva D. S. *Vinitel'nyi padezh v vostochnoslavjanskikh yazykakh*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1966.]
- Томсон 1902 — Томсон А. И. *Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке*. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1902. [Tomson A. I. *Vinitel'nyi padezh pryamogo dopolneniya v otritsatel'nykh predlozheniyakh v russkom yazyke* [Accusative of direct object in negative sentences in Russian]. Warsaw: Warsaw Educational District Press, 1902.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. *Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания*. М: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyzov: Lingvisticheskie dannye o deyatelnosti soznaniya* [An experience of describing the semantics of conjunctions: Linguistic evidence for functioning of mind]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Уткин 1963 — Уткин Д. В. К синонимии отрицательных конструкций с родительным и винительным падежами в современном русском языке. *Труды кафедры русского языка Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького*. 1963, 18: 76–88. [Utkin D. V. On the synonymy of negative constructions with genitive and accusative in Modern Russian. *Trudy kafedry russkogo yazyka Omского gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A. M. Gor'kogo*, 1963, 18: 76–88.]
- Харпалева 1985 — Харпалева В. Ф. О вариативности форм объекта в памятниках русской письменности XV–XVII вв. *Восточные славяне: языки, история, культура: к 85-летию акад. В. И. Бороковского. Караулов Ю. Н. (отв. ред.)*. М.: Наука, 1985, 100–107. [Kharpaleva V. F. On the variation of object marking in Russian written documents of 15th–17th centuries. *Vostochnye slavyane: yazyki, istoriya, kul'tura*: On the 85th birthday of V. I. Borkovsky. Karaulov Yu. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1985, 100–107.]
- Ходова 1963 — Ходова К. И. *Система падежей старославянского языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. [Khodova K. I. *Sistema padezhei staroslavjanskogo yazyka* [Old Slavonic case system]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]
- Шахматов 1925 — Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка: учение о предложении и о словосочетаниях*. Л.: Российская государственная академическая типография, 1925. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. Leningrad: Russian State Academic Press, 1925.]
- Циммерлинг 2019 — Циммерлинг А. В. Кому проспати заутрення и ловити рыба? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания. [Zimmerling A. V. “Komu prospati zautrenja i loviti ryba?” Nominative object of infinitive as an object of grammatical description.] *Die Welt der Slaven*, 2019, 2: 299–337.
- Ambrasas 2001 — Ambrasas V. On the development of the nominative objects in Baltic. *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*. Vol. 2: *Grammar and Typology*. Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 391–412.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. The Circum-Baltic Languages: Introduction to the volume. *Circum-Baltic languages: Typology and contact*. Vol. 2: *Grammar and Typology*. Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.) Amsterdam: John Benjamins, 2001, xv–xx.

- Decsy 1967 — Decsy G. Is there a Finnic substratum in Russian? *Orbis*, 1967, 16: 150–160.
- van Helden 2008 — van Helden W. A. Vicissitudes of the genitive rule. *Dutch Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 10–16, 2008. Linguistics*. Houtzagers P., Kalsbeek J., Schaeken J. (eds.). Amsterdam: Rodopi, 2008, 145–216.
- Holvoet 1993 — Holvoet A. On the nominative object in Latvian, with particular reference to the debitive. *Linguistica Baltica*, 1993, 2: 151–161.
- Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001 — Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach. *Circum-Baltic languages. Typology and contact*. Vol. 2: *Grammar and Typology*. Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 615–750.
- Krasovitsky et al. 2011 — Krasovitsky A., Baerman M., Brown D., Corbett G. G. Changing semantic factors in case selection: Russian evidence from the last two centuries. *Morphology*, 2011, 21(2): 573–592.
- Matras 2007 — Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras Y., Sakel J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007, 31–75.
- Miklosich 1926 — Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen*. Band 4: *Syntax*. Heidelberg: C. Winter, 1926.
- Mustajoki, Heino 1991 — Mustajoki A., Heino H. *Case selection for the direct object in Russian negative clauses*. Part II: *Report on a statistical analysis*. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1991.
- Partee, Borschev 2004 — Partee B. H., Borschev V. The semantics of Russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure. *Proc. of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 14*, Watanabe K., Young R. B. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 2004, 212–234.
- Pirnat 2015 — Pirnat Ž. Genesis of the genitive of negation in Balto-Slavic and its evidence in contemporary Slovenian. *Slovene Linguistic Studies*, 2015, 10: 3–52.
- Seržant 2014 — Seržant I. A. The independent partitive genitive in North Russian. *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars*. (Slavica Bergensia, 13.) Seržant I. A., Wiemer B. (eds.). Bergen: John Grieg AS, 2014, 270–329.
- Seržant 2015 — Seržant I. Independent partitive as a Circum-Baltic isogloss. *Journal of Language Contact*, 2015, 8: 341–418.
- Seržant 2016 — Seržant I. Nominative case in Baltic in the typological perspective. *Argument structure in Baltic*. (Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic, 3.) Holvoet A., Nau N. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2016, 137–198.
- Seržant (in print) — Seržant I. The Circum-Baltic area. An overview. *Oxford guides to the world's languages: The Slavonic languages*. Fellerer J., Bermel N. (eds.). In print.
- Thomason, Kaufman 1988 — Thomason S., Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: Univ. of California Press, 1988.
- Timberlake 1974 — Timberlake A. *The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich: Verlag Otto Sagner, 1974.
- Timberlake 1986 — Timberlake A. Hierarchies in the genitive of negation. *Case in Slavic*. Brecht R. D., Levine J. S. (eds.). Columbus: Slavica Publ., 1986, 338–360.
- Veenker 1967 — Veenker W. *Die Frage des finnougriechen Substrats in der russischen Sprache*. (Uralic and Altaic Series, 82.) Bloomington: Indiana Univ. Press, 1967.

Получено / received 10.09.2019

Принято / accepted 21.01.2020